

С. А. Корсун**В. П. ХАБАРОВ — ПЕРВЫЙ АЛЕУТ-ЭТНОГРАФ**

Становление советской этнографической школы неразрывно связано с именами Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза. Еще до начала Первой мировой войны Л. Я. Штернберг факультативно преподавал этнографию в Санкт-Петербургском университете. В 1915 г. он начал преподавать этнографию на Высших географических курсах. 3 декабря 1918 г. по его инициативе создали Географический институт с двумя факультетами: географическим и этнографическим. Л. Я. Штернберг стал первым деканом этого института. В 1925 г. Географический институт вошел в состав ЛГУ. На географическом факультете университета также осталось два отделения — географическое и этнографическое. Л. Я. Штернберг как преподаватель и ученый проявлял заинтересованность в подготовке кадров из среды местного населения для районов Севера и в проведении этнографических исследований среди всех народов Сибири. И. И. Крупник и Е. А. Михайлова отметили: «Есть много причин полагать, что Богораз и Штернберг сознательно опекали некоторых их молодых студентов как своих будущих преемников в изучении коренных народов Севера. После нескольких лет обучения эти молодые специалисты отправлялись в отдаленные районы Сибири, где их профессора когда-то начинали свою научную деятельность. <...> После двух-трех лет полевой работы они возвращались в Ленинград уже как признанные специалисты по этнологии и современному положению народов, которые они изучали...» [Крупник, Михайлова 2006: 193–194].

Л. Я. Штернберг и известный исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев неоднократно встречались и состояли в длительной деловой переписке. В июле 1923 г. В. К. Арсеньев находился в командировке на Командорских островах, в своем отчете он отметил: «Командорские алеуты находятся в состоянии выми-

рания. Они почти поголовно заражены сифилисом, который распространяется и половым, и внеполовым путем. К числу причин вымирания нужно отнести инфекционные эпидемии. Породнившись между собой, население без притока свежей крови быстро идет к вырождению. Беспорядочная половая жизнь, начинающаяся чуть ли не с детского возраста, простудные заболевания, общее истощение материнского организма <...> все это приводит к чрезмерно низкой продолжительности жизни: для мужчин — 24,3 года, а для женщин — 23,2» [Арсеньев 1923: 492].

Получив известие об исследованиях В. К. Арсеньева на Командорских островах, Л. Я. Штернберг написал: «Ужасно интересно, что алеуты (делают. — С. К.) на Командорских островах! Я бы охотно пристроил кого-нибудь из студентов туда на службу, если это возможно, и он бы там изучил их быт» [Письма 1979: 72]. Отправить кого-либо из своих учеников на Командорские острова в середине 20-х годов Л. Я. Штернбергу не удалось. В конце 1925 г. было организовано Северное отделение рабочего (подготовительного) факультета ЛГУ. Среди его первых студентов был алеут с острова Медный Валентин Поликарпович Хабаров (1898–1942). Летом 1925 г. В. П. Хабаров сопровождал партию голубых песцов при их перевозке с острова Медный на Шантарские острова. Оттуда он добрался до Николаевска-на-Амуре, где при содействии Комитета народов Севера получил направление на учебу в Ленинград. В письме в камчатскую газету «Полярная звезда» В. П. Хабаров писал: «До прихода советской власти на островах жилось так плохо, что я не могу и передать. Над нами прямо издевались, как над собаками или скотами, и еще в 1922 г. администрация собиралась нас пороть. У нас на острове промышленные надзиратели и начальники ночью отбирали жен от мужей и заставляли зимой ночью в одних рубахах, босыми ногами бегать по деревне, иные (начальники. — С. К.) выводили из церкви людей и сажали в холодную баню; вывешивали в селении разные стыдные объявления, и мы не могли против этого сказать ни слова. Мы читали в книжках про крепостное право на материке, которое было лет 60 тому назад, а у нас на островах оно было еще в 1923 г., до прихода советской власти. Пароход приходит,

начальники одевают гражданскую одежду; а как только уходит пароход, опять одевают офицерскую с погонами и опять пьяные поют “Боже, царя храни”. Вы, живущие на материке, освободились раньше нас, а у нас еще в 1922 г. начальник бегал с веревкой и порол всех без разбора» [Хабаров 1925].

В Ленинград В. П. Хабаров приехал в конце 1925 г. (или в начале 1926 г.) и, как упоминалось, был зачислен на Северное отделение рабочего (подготовительного) факультета ЛГУ. Его первыми студентами стали 24 человека, из них 18 — представители коренных народов Сибири. В 1927 г. студентов Северного отделения перевели на Северный факультет Ленинградского восточного института имени А. С. Енукидзе (другие названия — Институт восточных языков, Институт живых восточных языков). Летом и осенью 1927 г. В. П. Хабаров вместе с супругой хантыйкой Милицей Хабаровой находился на полевой практике на Командорах. По результатам этой поездки в сборнике «Тайга и тундра» опубликовали его статью «Командорские острова» и заметку М. Хабаровой «Школа на Командорских островах». В. П. Хабаров отметил: «Людское население на Командорах меньше 350 чел., считая как постоянных жителей, так и временных обитателей — промысловую администрацию. До конца прошлого столетия происходил естественный рост населения, и общее число жителей достигало в 1910 г. 605 человек. Затем началось вымирание. <...> Средняя продолжительность жизни вследствие неблагоприятных климатических и бытовых условий крайне низка — 22 года для обоих островов (в 1927 г. — С. К.). <...> Женщины ничем не заняты, кроме домашнего хозяйства, мужчины состоят промысловыми рабочими или работают промысловой охраной островов на определенном жаловании, последнее распределено по трем категориям. Вне пушного дела у населения не было и нет заработков» [Хабаров 1931: 54–55].

Во время обучения В. П. Хабаров был одним из наиболее активных студентов. Зимой 1928 г. сотрудники Ленинградской государственной консерватории записали на фонограф несколько алеутских песен. Их надиктовал студент-алеут Института восточных языков [Коллекции 2005: 16–17, 36]. Вероятно, этим студентом

был именно В. П. Хабаровов. В марте 1928 г. он участвовал в работе V пленума Комитета Севера в Москве, его избрали в состав редколлегии сборника «Тайга и тундра». Редактором этого периодического издания стал В. Г. Богораз, а его заместителем — Ян Петрович Алькор (Кошкин, 1900–1938). В 1929 г. на основе Северного факультета Ленинградского восточного института создали Институт народов Севера (ИНС), первым ректором которого стал Я. П. Алькор. В 1930 г. В. П. Хабаровов состоял в научной переписке с В. И. Йохельсоном. В 1931 г. состоялся первый выпуск пятнадцати студентов четвертого курса ИНС, в числе которых были супруги Хабарововы. Об этой семейной паре В. Г. Богораз вспоминал: «Алеут... сам себя называвший креолом, женился на беленькой остячке из Обнорска, по-видимому, с примесью русской крови, и молодая чета долго не могла решить, куда ей ехать работать: на западносибирскую Обь или на дальневосточные острова — Беринга и Медный?» [Тан-Богораз 1935: 134].

В. П. Хабаровов был первым алеутом с Командорских островов, получившим светское высшее и отчасти этнографическое образование. В 30-е годы он занимался изучением этнографии своего народа и подготовил несколько статей, которые, к сожалению, не были изданы. По возвращении на Командорские острова он занимал руководящие посты в местной администрации. В середине 30-х годов В. П. Хабаровов поступил в аспирантуру ИНС и готовил кандидатскую диссертацию по теме «Котиковое хозяйство в СССР». Его научным руководителем был известный исследователь Командорских островов Евгений Константинович Суворов (1880–1953). В. П. Хабаровов поддерживал деловые отношения с сотрудниками отдела Сибири МАЭ: В. Г. Богоразом, С. В. Ивановым, Г. Н. Прокофьевым. Он участвовал в написании статей об алеутах для невышедших «Дальневосточной энциклопедии» и сборника «Народы Сибири и Дальнего Востока». Этот сборник готовился к печати в МАЭ в конце 30-х годов. Приведем несколько цитат из рукописи В. П. Хабарова 1938 г., относящихся к описанию культуры алеутов Командорских островов.

«Жители Алеутских островов имели множество местных названий. <...> Атхинцы — Ниггугиш (нынешние Беринговцы). <...>

Наоборот, алеуты Аттовских островов называли себя Унанган — то есть в тылу по отношению полуострова Аляска. Надо сказать, что слово “Унанган” следует понимать двояко и нераздельно. Вернее, сперва их (жителей восточной части Алеутских островов. — С. К.) (аттовские) за воинственность, за удачливости побеждать называли Унанган, а позже сами аттовские стали называть себя Унанган. Кроме того, слово “Унанган” ведь это гордость самоназвания алеутов, связанное воинственностью и удачливостью побеждать врага внезапно. Отсюда самоназвание Унанган (нынешние медновцы)» [АМАЭ. Ф. К-V. Оп. 1. № 106. Л. 1–2].

«По данным Алеутского райисполкома, на 1 января 1938 г. алеутов в СССР — 336 чел.; мужчин — 155, женщин — 148. <...> Берингийцы свой остров называют Танамаш, то есть “наша земля”, а Медный — Икун Тангих, значит “морской камень”. Медновцы остров Беринга называют Икун Танах — видимая земля, а свой остров, то есть Медный — Танамах — значит “наша земля”» [Там же: 3].

«У Командорских алеутов полуземлянки строились иначе: яма была не больше 0,5 метра глубины, отверстие в крыше (улюгих) служило исключительно для дымохода, для входа и выхода была приспособлена в стенке дверь (камэгих). Внутри у стенки располагались нары для спанья, костер (очаг. — С. К.) каменный находился в углу и был уже приспособлен так, что можно было печь хлеба. В 70-е годы прошлого столетия эти юрты были заменены дощатыми домами, построенными компанией Гетчинсоны, где алеуты жили отдельными семьями. Эти дома отапливались привозным углем или кипятком. Внутреннее устройство: скамьи, столы, полки и т.д. — того же типа, как и у русских на Камчатке. Утварь исключительно покупная. Национальная одежда у Командорских алеутов сохранилась частично, лишь промысловая: непромокаемая обувь (улэгих) и плащи (чигях и ливташни) остальные вытеснены привозными платьями европейского покроя» [Там же: 18–20].

«По своим религиозным воззрениям алеуты были анимистами-шаманистами. Весь мир, по их представлениям, населен духами. Особенное значение в культуре имели: души людей, промысловых животных — души нерпы и трески, духи хозяев вод, утесов,

стихий, враждебных человеку. Заговоры, рисунки, талисманы имели широкое распространение. Функции шаманов были: общение с духами для обеспечения удачи в промыслах и борьбе с духами — похитителями душ человека или духами, вселившимися в человека. <...>

Основными сюжетами повествовательного творчества были родовые предания, рассказы о путешествиях и приключениях героев, о посещении ими чужих поселков населенных великанами (аглигих), карликами (чалькаках), разными животными духами. Героём многочисленных мифов являлся ворон. Большое место в алеутском фольклоре занимают юмористические рассказы о плохих охотниках. Песенное творчество алеутов: шаманские, игровые, былинные, лирические и др. Влияние христианства получило свое отражение в фольклоре; рядом с разнообразными мифами о вороне, аглигих и чалькаках, в рассказах о происхождении промысловых животных, приключениях героев возникли сказания о творце неба (агогех), о нечистой силе (инунаннах) и о помощнике последней (чугугорох) и т.д.

Магические фигуры, художественно сделанные из дерева, кости, клыка, камня и раскрашенные красками (из крови и желчи животных и разноцветной глины), получили свое отражение в изобразительном искусстве алеутов, в том числе в татуировке и раскрашивании лица. Религиозное значение имели и пляски (кагаюгих) в раскрашенных масках, изображающих героев, животных (нерпа и треска) и духов» [Там же: 23–25].

В примечании к статье В. П. Хабаров отметил, что «материалами по языку служили ныне сохранившиеся сказки и рассказы на алеутском языке: Кугам Икгана (Чертова старушка), Кагляги-музах (Ворон-вороненок) и др.» [Там же: 41]. Сейчас местонахождение этих фольклорных текстов неизвестно [Легенды 1985: 395]. Одну из алеутских легенд, рассказанную В. П. Хабаровым, В. Г. Богораз привел в книге «Воскресшее племя». В связи с большой редкостью фольклорных записей алеутов Командорских островов процитируем эту легенду: «Вот было раз: выгребли двое (в море. — С. К.) — двоюродные братья, у каждого челнок. Стали тюленей гарпунить. Левый — одного, а правый — другого.

И опять: левый — одного, а правый — другого. Ветер... чуть весла из рук не вырывает, а они не замечают, колот тюленей и только. Вот вырос ветер. Был сначала как маленький мальчик, а потом стал подросток, а там сделался крепкий и грозный охотник. И охотится ветер вовсе не на тюленей, охотится ветер на людей, на бойких охотников, братьев-алеутов.

Вот стал их осиливать ветер, рвет кожанку (одежду. — С. К.) с плеч. Распоролось передние полы, захлестывает в обод челнока соленая вода, погибают охотники. Тут бросили тюленей и взмолились алеуты. Взмолились не ветру, не солнцу, собственным челнокам взмолились: “Выручайте из беды!” Один говорит своему челноку: “Брат, спаси меня. Зачем на гибель отдаешь?” И челнок отвечает: “Правда, воистину (ты для меня. — С. К.) брат и товарищ по жене. Когда ты прощался с женой и брал ее мягкие руки, потом надевал рукавицы и шел ко мне, тогда ты снимал рукавицы и теплыми руками хватался за борта мои. Итак, мы делили по-братски единственную радость от нашей подруги-жены. Ты верный товарищ, и я спасу тебя”.

Тут и другой алеут взмолился челноку: “Брат, спаси меня. Зачем на гибель отдаешь?” А челнок отвечает: “Нет, я не брат тебе. Братниной части не имею и доли не имею. Когда ты прощался с женой и брал ее мягкие руки, потом надевал рукавицы и, когда приходил, хватался рукавицами за мой твердый борт, и я от тебя ничего не получал: ни ласки, ни привета. Ты злой брат, я не спасу тебя”.

<...> Духи не только запрятаны в лодках, в челноках, сами челноки тоже такие духи» [Тан-Богораз 1935: 223–224].

Есть более подробный вариант этой легенды, записанный В. И. Иохельсоном в 1910 г. на острове Уналашка от алеута И. Соловьева [Иохельсон 1923: 16–19; Unangam 1990: 224–227]. Ее интерпретация приведена у Л. Я. Штернберга:

«С одной стороны, искусственный предмет сам по себе — живое существо, а с другой стороны — он имеет хозяина-духа. <...> Как один из ярких образцов этого представления, как иллюстрацию, я изложу сообщенный мне В. Иохельсоном рассказ одного алеута. Во время одной охотничьей поездки поднялась буря, и два

брата очутились в море на двух байдарках (челноках). И вот в то время, когда они считали себя погибшими, один из братьев обратился к своему челноку, то есть к “хозяйину” его, с такой речью: “Ты мой товарищ по жене, спаси меня от гибели!” Но челнок ответил: “Ты мне худой товарищ по жене. Когда утром ты встаешь, разгоряченный телом своей жены, то не передаешь мне следующую мне часть супружеской ласки”. И действительно, этот гибнет, а другой, который был “хорошим товарищем по жене”, спасся. И алеут считает рассказ этот совершенно естественным, он видит в этой байдарке (челноке) “хозяйина”, и этот “хозяйин” — вполне человекообразное существо, которое имеет те же страсти, как и он сам, одним словом, настоящий, подлинный человек» [Штернберг 1936: 274].

Несмотря на слова Л. Я. Штернберга о том, что эту легенду ему сообщил В. И. Иохельсон, судя по некоторым выражениям (челнок, товарищ по жене), отсутствующим в тексте В. И. Иохельсона, Л. Я. Штернбергу был известен вариант легенды, рассказанный В. П. Хабаровым.

В 1940 г. руководство музея решило переработать сборник «Народы Сибири и Дальнего Востока» и на его основе подготовить том «Народы Сибири». При обсуждении новой книги отказались от публикации рукописи В. П. Хабарова и поручили написать статью о командорских алеутах сотруднице отдела Сибири Валентине Васильевне Антроповой (1909–1976). При ее написании В. В. Антропова использовала публикации: В. И. Иохельсона, Н. А. Гребницкого, Е. К. Суворова, вышепротитированную рукопись В. П. Хабарова и устные сведения, полученные от кого-то из алеутов. Вероятно, ее информантом был именно В. П. Хабаров, который в 1940 г. находился в Ленинграде. В. В. Антропова писала: «Тов. Хабаров, бывший студент Института народов Севера в Ленинграде, успешно защитил диссертацию и первым из алеутов получил звание (ученую степень. — С. К.) кандидата географических наук» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. № 232. Л. 441]. В 1941 г. его диссертацию опубликовали в виде отдельной книги [Хабаров 1941]. Ниже приведем несколько цитат из рукописи В. В. Антроповой: «Среди командорских алеутов распространено два само-

названия: жители о. Беринга считают своим самоназванием “унанган”, о. Медного — “алеуты”. Кроме того, среди жителей о. Медного встречается самоназвание “сасигнан”. Оно распространено главным образом среди алеутов, переселенных в прошлом столетии с Курильских островов» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 1. № 232. Л. 399].

«Численность алеутов Камчатской области составляла по переписи 1926 г. 345 чел., из них: мужчин — 177 и женщин — 168. На родном языке говорило 332 алеута. По данным алеутского райисполкома, на 1 января 1938 г. алеутов было 336 человек, из них на Командорских островах — 303 человека» [Там же: 401].

«Особенно много разных примет было связано с промыслами. Например, если морские животные (котик, бобр, сивуч) попадались в речке, то это предвещало несчастье. При шторме во время охоты на сивуча делали маленькую лодочку, помещали в нее насекомое и пускали по волнам со словами: “Останови шторм с этой стороны, чтобы пришли сивучи”. Во время штормовой погоды обращались к ветру, чтобы он перестал бушевать; если было нужно вызвать ветер, то свистели. <...> Распространены были различные поверья о великанах (аглигих) и карликах (чалакоках). Великан, по представлениям алеутов, жил в горах, от его крика получалось эхо. Карлики жили в земле, роль, приписываемая им, походила на роль русского домового, отчасти лешего: украсть юколу, сорвать крыши, всячески посмеяться над человеком. <...>

Фольклор командорских алеутов богат и разнообразен. До сих пор сохранились сказания, записанные разными путешественниками еще в конце XVIII столетия у жителей Алеутских островов. Наиболее распространены сказания мифологического характера о превращении людей в животных и о различных сверхъестественных существах, легенды о подвигах героев и бытовые рассказы из современной или прошлой жизни. <...>

Большое место в алеутском фольклоре занимают юмористические рассказы о неудачливых охотниках, о курьезных случаях на промыслах и др. Например, охотник, в бобровые сети которого попался котик, становится объектом шуток и сатирических рассказов всего селения. <...>

Прежде у алеутов были распространены различные сценические танцы. Исполнители изображали в костюмах и масках различные сцены из промысловой и бытовой жизни. Танцы обычно состояли из нескольких действий, в которых попеременно выступали танцоры, изображающие животных и людей-героев. Танцы происходили под аккомпанемент различных музыкальных инструментов и часто сопровождалась пением. Музыкальные инструменты (чайях и др.) представляли из себя особого вида барабаны, обтянутые кожей котика, сивуча или нерпы, поверх которой натягивались струны из жил. Другим типом музыкального инструмента была дощечка, по форме напоминающая камерон. Национальные танцы и музыкальные инструменты давно вышли из употребления. Последний раз подобный танец были исполнен в 1912 г. по специальному заказу команды одного из русских пароходов» [Там же: 434–437].

В 1956 г. том «Народы Сибири» опубликовали, но если рукопись В. В. Антроповой насчитывает сорок четыре машинописные страницы, то ее статья «Алеуты» в упомянутом томе состоит всего из четырех страниц [Народы 1956: 986–990].

После тяжелой продолжительной болезни В. П. Хабаров скончался летом 1942 г. в больнице Петропавловска-Камчатского. Несмотря на то что его этнографические статьи, подготовленные для «Дальневосточной энциклопедии» и сборника «Народы Сибири и Дальнего Востока», не были опубликованы, В. П. Хабаров внес определенный вклад в изучение этнографии своего народа — алеутов Командорских островов.

Источники

Хабаров В. П. Алеуты // АМАЭ. Ф. К-V. Оп. 1. № 106. 41 л.

Народы Сибири: Чукчи. Коряки. Эскимосы. Нивхи. Юкагиры. Айны. Ительмены. Алеуты. (Сборник). 1948 // АМАЭ. Ф. К-I. Оп. 1. № 232. 442 л.

Библиография

Арсеньев В. К. Командорские острова в 1923 г.: Географический очерк // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток, 1923. С. 420–464.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению алеутского языка и фольклора. Т. 1: Образцы народной словесности. Вып. 1: Тексты на уналашкинском наречии с переводом и примечаниями. Пг., 1923.

Коллекции народов Севера в фонограммархиве Пушкинского Дома / А. А. Бурькин, А. Х. Гирфанова, А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко, Н. Д. Светозарова, В. П. Шифф. СПб., 2005.

Крупник И., Михайлова Е. Пейзажи, лица и истории: фотографии Александра Форштейна (1927–1929) // АФ. 2006. № 4. С. 188–219.

Легенды и мифы Севера: сб. / сост., прим. В. М. Санги. М., 1985.

Народы Сибири / ред. М. Г. Левин, Л. П. Потапов. М.; Л., 1956.

Письма Л. Я. Штернберга к В. А. Арсеньеву. Публикация А. И. Тарасовой (Власовой) // Страны и народы Востока. Вып. XX (Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 4). М., 1979. С. 57–80.

Тан-Богораз В. Г. Воскресшее племя. М., 1935.

[Хабаров В. П.] Письмо Валентина Хабарова // Полярная звезда. 1925. 21 окт. № 118.

Хабаров В. П. Командорские острова // Тайга и тундра. Сб. № 3. Л., 1931. С. 53–58.

Хабаров В. П. Котиковое хозяйство на Командорских островах / под ред. Е. К. Суворова. Л., 1941.

Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / под ред. Я. П. Алькора. Л., 1936.

Unangam ungiikangin kayux tunusangin = Unangam uniikangis ama tunuzangis = Aleut tales and narratives. Collected 1909–1910 by Waldemar Jochelson / ed. by K. Bergsland, M. L. Dirks. Fairbanks, 1990.

Abstract

Article is devoted Valentine Habarov's contribution to studying ethnography of Aleuts of Commander islands. He was the first Aleut from Commander Islands which has received the supreme secular education. V. P. Habarov studied in Leningrad in Institute of peoples of the North in 1927–1931 years. In middle of 1930th years he corresponded with employees of a department of Siberia of MAE. In article some citations from V. P. Habarov's manuscript "Aleuts" are given. This manuscript was planned to the publication in 1940, but and not published. Despite of it, V. P. Habarov has made the certain contribution to studying ethnography of Aleuts.